

Имя потерпевшего - Никто

Автор:

Александра Маринина

Имя потерпевшего - Никто

Александра Маринина

Каменская #16

Роман Панкратов. Тот самый следователь, который начинал дело об убийстве Бахметьевой, а потом уехал в отпуск. Должен был вернуться дней через десять. Уже не вернется. Попал под машину в том городе, в котором отдыхал.

Ужасно. Чудовищно. Или... закономерно?

Александра Маринина

Имя потерпевшего - Никто

Игра чужими масками

Сегодня самый популярный автор детективов в России – женщина. Александра Маринина неоспоримо занимает первое место на рынке бестселлеров. Недалеко от нее стоит Полина Дашкова, а потом ряд других авторов-женщин. Некоторые критики уже поспешили охарактеризовать романы Марининой терминами «женский детектив» и «черный женский роман». Насколько эти определения правильны и какую роль играют гендерные признаки в поэтике романов Марининой – вот что нас интересует в данной статье.

В романах Марининой всегда присутствует первый параметр «женской прозы», а именно то, что в центре повествования – женщина и доминирует точка зрения героини – Анастасии Каменской (в дальнейшем – Насти) – женщины-детектива, своего рода авторского двойника. Редкое исключение, например, роман «Черный список», где Насти нет и на протяжении всего повествования рассказ ведется от лица мужчины, но именно это-то и позволяет появиться другому женскому персонажу – следователю Татьяне Образцовой, пишущей детективы под псевдонимом Томила, т.е. второму авторскому двойнику.

На первом плане стоит Настя, родившаяся в 1960 г. Она жена выдающегося математика Леши Чистякова, майор милиции, работающая аналитиком-криминалистом на Петровке, 38. По многим признакам Настя не является воплощением традиционных женских стереотипов, и эта ее нестандартность особенно часто подчеркивается автором. Она не очень эмоциональна, нечувствительна, ни любовь, ни секс особенно ее не интересуют. Настя совершенно беспомощна в быту, абсолютно равнодушна к таким, казалось бы, женским темам, как любовь, одежда, диеты и прочее, так интересующие, например, в высшей степени женственную Дашу. Уж Настя-то не будет читать дамских романов! Она рациональна, «трудоголичка», причем ее работа традиционно считается мужской, сугубо аналитической, даже если в конце концов при окончании решения криминальной загадки Насте помогает пресловутая женская интуиция.

В романах Марининой есть реабилитация интеллектуальной работы. То, что это происходит в рамках жанра детектива, неудивительно, ведь детектив типа «романа с загадкой», в отличие от «черного романа», как раз постоянно заигрывает с наукой. И, видимо, не случайно, что Настю окружает среда ученых (муж – математик, мать – профессор, лингвист). Ведь задача сыщика есть в каком-то смысле научно-герменевтическая игра интеллекта в попытке упорядочить хаос, расшифровать криминальный ребус, сыщик – тот же «семиолог». Но зато не в традиции русского/советского детектива, что эта реабилитация происходит через женский персонаж.

Из-за своей физической ущербности (определяемой как женская черта) и эмоциональной холодности (определяемой как мужская черта) Настя принадлежит к типу сыщиков, отличающихся каким-то «дефектом» – физическим или чувственным. Вспомним инвалида Ниро Вульфа у Рекса Стаута и мисс Марпл, старушку и из-за этого слабую женщину. Или героя фильма Хичкока «Real Window», прикованного к инвалидной коляске, что играет важную роль в

сюжете, поскольку эта его физическая немощность создает особое напряжение. Все это еще раз показывает, что самое главное в сыщике – игра ума. Сыщик такого типа не имеет семейной жизни, целиком и полностью отдается процессу поиска и разоблачения преступника. Почти все сыщики холостяки. Настя, правда, замужем, но у нее нет детей, и ее семейная жизнь сведена к минимуму: Леша часто в отъезде или у родителей.

Образ Насти, по всей видимости, слишком нестандартен, автор боится некоторой ее черствости, кстати, и Настя все время спрашивает себя, не монстр ли она, потому что не испытывает сильных чувств к другим. Эти сомнения не столько психологическая черта персонажа, сколько своего рода извинение автора перед читателем за то, что ее героиня такая странная, далекая от традиционных русских представлений о женщине.

Чтобы компенсировать и как бы скорректировать эмоциональную «сухость» главной героини, автор вводит в повествование более традиционных женщин. Татьяна Образцова сочетает в себе мужское и женское начала более гармонично и органично, чем Настя: хоть она рациональна, как Настя, но при этом – чувственная, сладкая и уютная женщина. Эта гармония ощущается Стасовым, героем «Черного списка»: «Странное чувство не покидало меня. Много раз в своей двадцатилетней служебной жизни я сталкивался с женщинами-следователями, с некоторыми из них спал, с остальными сотрудничал. Но если они становились моими любовницами, я в их присутствии не произносил ни слова о работе. Если же обсуждал что-то служебное, они мгновенно превращались в бесполох существ. Сейчас же я говорил на сугубо профессиональные темы с женщиной-следователем, отдавая дань ее хватке и юридической грамотности и в то же время необыкновенно остро чувствуя, что она – Женщина. Именно так, с большой буквы».

В ее полном теле таится материнское тепло, что в романе «Призрак музыки» подтверждается рождением ребенка. Все это позволяет еще лучше сработать идентификационному механизму и женской читательской проекции. Татьяна очень узнаваема, больше, чем Настя. Таня полностью выпадает из заданного стереотипа красивой манекенщицы, который присутствует в романах Марининой в основном в виде подружек «новых русских» и мафиози.

Другие женские персонажи полностью соответствуют традиционным представлениям о женщине, поскольку они служат контрапунктом в общем интерьере женских портретов, в них чувствуется некий «аромат мыльной

оперы».

И. Прохорова иронически, но все же употребляет термин «феминизм» в связи с тем, что реабилитация интеллектуального труда совершается через героиню, а не через героя. «Но этот (не побоюсь этого слова) феминизм почему-то не вызывает читательского раздражения, этот факт даже не замечается. Как будто бы так и должно быть». Видимо, из-за того, что в Насте качества сугубо мужские сосуществуют с женскими. В ней происходит синтез «мужского» – мозга – и «женского» – интуитивного, нелогичного, творческого – начала, генерируемого правым полушарием.

Иначе говоря, она носитель того, что К. Скоков называет «новым типом мышления», и в этом выражается ее неординарность. «Человек, обладающий этим новым, вальсирующим, типом мышления, является (с традиционной точки зрения) гениальным, так как, если у него (нее) преобладает мужское мышление и логика заводит его в тупик, она (он) ищет выход из тупика, используя мышление женское. Если же преобладает женское, то после того, как с помощью эмоций правильно угадано направление движения мысли, используется логика для получения четкого (а не размытого) конечного результата».

Настя не лишена черт, маркированных как женские. Самая ее женская черта – это физическая слабость. Притом она не сыщик-одиночка, она член коллектива, и коллектив этот мужской. Работая среди мужчин, Настя приобретает особый статус – статус любимицы, о которой заботятся. Ее можно сравнить с Кэй Скарпетта, героиней одного из романов Патриции Корнуэлл. Там с Кэй работает типичный «мачо», и ей постоянно приходится отстаивать свое «право на ум». Наоборот, в гармоничном мире близких Насте людей нет никакой агрессии, она защищена от внешнего мира мужской силой и принимает эту защиту как должное. Ее начальник Виктор Алексеевич Гордеев, отчим Леонид Петрович и муж Алексей Чистяков воплощают психоаналитическую «фигуру отца», успокаивающую и добрую.

У Марининой нет открытого разговора о самоощущении женщин в мужском контексте. Только один раз прямым текстом Настя говорит о «половом шовинизме» в русском языке, но не в целях феминистского протеста, а лишь для того, чтобы разгадать криминальную загадку. В романе «Призрак музыки» жертву (женщину) убили по ошибке. «Заказали» владельца машины, киллер слово «владелец» понял в широком смысле, а заказчик имел в виду в узком, как

слово мужского рода. Этот языковой шовинизм просто констатируется без особых комментариев.

Автор соблюдает «условия контракта» с читателем и не разочаровывает его. Детектив – высококодифицированный жанр с жесткой формой и телеологической фабулой. Но жанр детектива характеризуется двойственностью, его цель – разоблачение, разъяснение, и он держится на недосказанном. В центре текста лакуна, поскольку отсутствует рассказ о самом преступлении. Это нарративное умолчание особенно остро ощущается в «Седьмой жертве», когда речь ведется с точки зрения жертв и рассказ обрывается до убийства, оставляя портреты персонажей какими-то незаконченными. Эта «черная дыра», вокруг которой строится текст, напоминает женское начало, поскольку суть «женского» трудноуловима, постоянно ускользывает от определения, составляет «принцип неопределенности». «Женское» играет роль не только на чисто тематическом уровне. Каждый персонаж в романах узнаваем, но тем не менее пределы между ними, бывает, размываются. Даже у Насти несколько двойников: Татьяна, Леша, брат Саша. Автор подчеркивает, что они с последним внешне очень похожи, это Настин мужской alter ego, как замечает К. Т. Непомнящи.

Тема двойника довольно часто встречается (интрига романа «Чужая маска», например, полностью зиждется на этой теме), и в данном случае внешность – самая важная категория. Это отражает размытость личности в парадигме нового общества. Детективный жанр приобщает нас к «эпохе сомнения», о которой писала Н. Саррот. Все могут быть преступниками, поскольку внешне преступник ничем не отличается от не-преступника. Уже в первых романах есть размышления по этому поводу, например, в «Стечении обстоятельств», когда Насте приходится проводить по несколько часов наедине с киллером. «Настя вглядывалась в лицо своего собеседника и удивлялась его обыкновенности и своеобразной привлекательности. Кто там говорил о пустых и холодных глазах убийц? Нормальный мужик, с нормальными глазами, с приятной улыбкой». Это стало общим местом в детективном жанре. Вообще каждый персонаж в мире детектива может оказаться противоположностью тому, чем он кажется. Спокойный пенсионер может быть начальником преступного бизнеса (Арсен в «Стечении обстоятельств»), «толстая корова» может быть известной писательницей и т. д. Жертва может оказаться убийцей, убийца – жертвой, более того, сам сыщик может оказаться и тем и другим, но чаще всего жертвой, если речь идет о женщине.

Здесь гендерные признаки играют немаловажную роль. В таком именно случае слабость Насти подтверждает эту взаимозаменяемость сыщика и жертвы, когда она часто оказывается в роли потенциальной жертвы, как, между прочим, и Татьяна. В романе Марининой «Седьмая жертва» они обе под угрозой и не знают, на кого из них она обращена. Убийца заметил Настю во время телевизионной передачи и выбрал ее за интеллектуальные качества. Чаще всего Настя оказывается в ситуации жертвы, когда она «наряжена» в сексапильную женщину. Тему нечеткости личности иллюстрирует подход Насти к своей внешности. Собственное тело служит для нее «объектом творчества», поскольку это материал для создания разных персонажей, как правило, красивых женщин. Она наряжается, красится, лепит из своего тела новое, неузнаваемое. Настя «надевает» женственность, как чужой наряд, и превращается из гадкого утенка в прекрасного лебедя, из замарашки – в Золушку.

Если детектив – излюбленный женский жанр, то это, наверное, потому, что он зиждется на игре с видимостью (*apparences*) и с масками. По мнению Бодрийера, сущность женского выражается в «стратегии видимости» и в игре со знаками женственности в целях соблазна. Но в случае Насти игра с масками и с внешними атрибутами женственности не ради соблазна, а лишь в рамках работы детектива и в целях разоблачения виновного. Это даже может дойти до физической близости с ним, как, например, в «Игре на чужом поле» с преступным кинорежиссером Дамиром, но голова Насти всегда трезва. Тело – инструмент, и в этом его использовании оригинальность образа Насти. Только в «Седьмой жертве» пробуждается в Насте «женское» желание соблазнить своего мужа, когда она понимает, что убийца хочет убить именно ее, не Татьяну. Близость смерти меняет ее психологию, но и это в порядке исключения. Интересное объяснение дает С. Кузнецов, написавший, что Настя не желает воплощаться, не желает выглядеть, «но, живя в эпоху визуальной культуры, когда предъявлять себя необходимо, она все равно вынуждена это делать, пусть мучительно и болезненно. И это, на мой взгляд, также является определенной фигурой для описания переходного положения советского интеллигента-интроверта, сформированного семидесятыми годами, в новой культуре, где он должен презентироваться – не хочет, но должен». Наступило время, где господствует иллюзия, спектакль. В этих превращениях Насти как нельзя лучше передается зыбкость «женского начала» и «нового мира», в котором происходит действие романов – в современной России.

Мир современного детектива – зыбкий и неустойчивый мир, в котором исчезают четкие, устойчивые ориентиры, теряются традиционные критерии, нравственные и социальные. Детектив является идеальным художественным

жанром в эпоху потери равновесия, когда земля уходит из-под ног. Современная Россия – это страна чудес, но далеко не всегда положительных.

Маринина вводит читателя (по крайней мере, западного) в миры ему недоступные. Он узнает правила функционирования разных заведений и иных миров – Петровки, 38, властных структур, издательств и мира кино, мира «новых русских» и мафии и т. д. Традиционная реалистическая функция детектива, рассказывающего о своем времени и фиксирующего социальные сдвиги, сочетается с дидактической и нравоучительной, что является характерной чертой советского детектива. Заметим, что это вообще черта соцреалистической литературы в ее ортодоксальных образцах. Как разобраться в новой действительности? Как выжить семидесятникам в мире девяностых, в мире «перетасованных судеб и капиталов», т. е. мире сплошной инверсии? Что думать о новых явлениях? Как говорит сама Маринина, она не пишет с точки зрения преступника, поскольку считает, что «детектив – это возможность для человека солидаризироваться с силами добра». Если она дает слово преступнику, то для того, чтобы выявить его психологию, чтобы не оставить никакого необъясненного пункта, но совсем не для того, чтобы извинить его или смягчить его вину.

Как подчеркивают многие критики, марининский мир близок к сказке. И. Овчинников пишет о «полусказочности марининского дискурса» (не столько дискурс сказочен, сколько персонажи); по мнению К.Т.Непомнящи, детектив – это «сказка для взрослых», поскольку заранее известно, что он завершается хеппи-эндом, ибо убийца всегда найден и наказан. Налет сказочности позволяет читателю смириться с грубостью мира, в котором он сам живет. Чернуха остается за рамками произведения, но проникает через щель убийствами и предательствами. Нет тяжелой и грубой физиологии (как, например, в детективах Г. Миронова), язык нейтрален (нет жаргона, как, например, у Бушкова и у большинства авторов триллеров), это «смягченный, женский» вариант детектива.

В том, что смягченный вариант – обязательно женский, можно сомневаться, ведь никто не скажет, что произведения Л. Петрушевской – «смягченный, женский» вариант чернухи? Но в данном случае я бы назвала этот вариант «материнским». Традиционно именно матери рассказывают сказки детям, успокаивают их и утешают. Одна из важных функций детектива – функция утешения и успокоения. Маринина, будучи автором-реалистом, не только объясняет, но и настраивает, успокаивает, как мать. Б. Дубин подчеркивает: «Почувствовать

себя частицей некой общности – это же очень важно для людей в период, когда былые связи порвались, былые общности распались, хотя страна и не расколота... В этой ситуации Маринина – находка, причал, мирный и надежный берег». Г. Дашевский пишет о совокупности романов Марининой как об «учебнике выживания». В ее произведениях есть и материнская забота, и ласка (хеппи-энд, утешения по поводу разных комплексов), и материнское просветительство (объяснения, описания), и материнский/отцовский авторитет (советы).

Персонаж Татьяны Образцовой интересен и важен, потому что в нем отчетливо проглядывает фигура автора. Сам автор позволяет провести эту параллель: ведь книга, которую читает Лиля – дочь Стасова, когда они знакомятся с Татьяной, называется «Украденный сон». Это четвертый роман Марининой, его интрига – в сюжете «Игры на чужом поле» – ее третьего романа. Здесь автор вводит в ткань детектива тему писательского творчества. Вообще детективный жанр – саморефлективный жанр, «металитературная форма *par excellence*». Таким образом, автор заводит с читателями диалог, отвечает на их возможные вопросы (в «Черном списке», например, Татьяна подробно рассказывает дочери Стасова, как она пишет) и пытается защититься от упреков, отстаивая свое авторство. Ставится вопрос о самом процессе творчества как суррогата действия или как сверхдействия. Тема материнства и писательства сходятся в образе Татьяны: дочь Стасова сразу полюбила ее, как свою мать, а потом Татьяна сама рождает ребенка. Писательство может совмещаться с семейной жизнью и с материнством, тогда как работа сыщика – нет.

Несомненно, женщина-писатель вдвойне уязвима сейчас в России потому, что она женщина, а также и потому, что статус писателя резко изменился в постсоветском пространстве. Массовая культура – продукт для быстрого потребления, и огромный успех произведений Марининой – знак изменения подхода российской публики к литературе и к писателю. Раньше литература была священной сферой, истоком духовных и нравственных ориентиров, писатель был властителем дум. Сейчас писатель скатился по лестнице престижа. Статус читателя детектива неординарен, о нем Ив Рейтер пишет: «Читатель в процессе поиска смысла, конца и завершения этой истории является и палачом, поскольку способствует на всем протяжении повествования развертыванию того, что было объявлено фатальным, и жертвой, поскольку подвергается тому же и не может ничего изменить». Эта смесь пассивности и активности, сопереживания и жесткости характеризует своеобразное удовольствие от чтения детектива. Хотя Маринина и унаследовала традиционную для России дидактическую функцию слова, она сочетает ее с

развлекательной и позволяет читателю наслаждаться легким и неутраждающим чтением, где доминирует принцип удовольствия, а это женский принцип.

Романы Марининой, сочетая советы и наслаждение (причем наслаждение с некоторым чувством вины), являются лучшим образцом развлекательно-учебной литературы. Из них следует, что женский ответ на насилие и на потерю ориентиров являет собой творчество, обретение личности и голоса, а также и наслаждение, несмотря на сложности каждодневной жизни. Детектив является идеальным полем для развертывания игрового принципа. В этом и состоит «женскость» романов Марининой.

Элен Мела

«...В России ежегодно бесследно исчезают десятки тысяч одиноких пожилых людей, вся «вина» которых заключается только в том, что они являются единоличными собственниками квартир. По далеко не полным данным, на конец марта текущего (1996-го) года более 3,5 тысячи москвичей не появились на новом месте жительства по законно оформленным обменным ордерам. В С.-Петербурге аналогичная цифра приближается к полутора тысячам человек. Люди просто канули в небытие...»

«Аргументы и факты», 1996, № 31

Мы в ответе за тех, кого приручаем...

Антуан де Сент-Экзюпери

Глава 1

Глаза у Ирочки Миловановой были испуганными. Это выражение испуга появилось в них месяц назад и с тех пор не исчезало. Именно месяц назад ее родственница и близкая подруга Татьяна заявила, что будет переезжать в

Москву. Работа и привычный образ жизни – это, конечно, прекрасно, но и совесть надо иметь. В Москве живет муж Татьяны, и они очень друг без друга скучают. Да и вообще...

– Ну что «вообще»? Что «вообще»? – кричала Ира, чуть не плача. – Как же я без тебя? Ты обо мне подумала? Что я буду делать, когда ты уедешь?

Вопрос, конечно, был не в том, что Ире после отъезда Татьяны будет нечем заняться и она начнет маяться от скуки и безделья. Хотя и в этом тоже. Когда-то родной брат Ирины Миловановой был первым мужем Татьяны Образцовой. Потом они развелись, и супруг вознамерился отбыть в Канаду на постоянное место жительства. Однако для новой жизни на процветающем Западе нужны были деньги, и много. Раздобыть их можно было только одним способом: продав трехкомнатную квартиру в центре Петербурга. При этом имелось в виду, что после продажи квартиры муж уедет, а Татьяна вернется жить к своему пожилому отцу, чего ей, положила руку на сердце, делать совсем не хотелось. За квартиру в центре города деньги можно было выручить очень приличные. Половину, правда, пришлось бы отдать Татьяне, поскольку квартира эта приобреталась после регистрации брака и, таким образом, считалась совместно нажитым имуществом. Тогда и было принято решение, которое в тот момент казалось странным, но тем не менее всех устраивало. Трехкомнатную квартиру не трогать, а вместо нее продать очень хорошую и недавно отремонтированную квартиру Ирочки. Ира переезжает к Татьяне и живет с ней вместе. В большой трехкомнатной квартире им тесно не будет, с точки зрения психологического комфорта дамы прекрасно уживутся, поскольку знакомы и дружны много лет, а со временем Татьяна купит для свояченицы новую квартиру, не хуже прежней. При этом глагол «купить» подразумевал, что Ира будет вести домашнее хозяйство и вообще полностью возьмет на себя быт, поскольку у Татьяны на это нет ни сил, ни времени. В освобождающееся же таким образом время Татьяна будет интенсивно писать детективы, а гонорары откладывать на приобретение квартиры для родственницы. Зависимость здесь была самая прямая: не будь рядом с Татьяной сестры ее бывшего мужа, она не смогла бы выкраивать время на написание книг, стало быть, возможность зарабатывать литературным трудом непосредственно связана с присутствием Ирочки и ее активной хозяйственно-экономической деятельностью.

Рискованное решение вскоре себя оправдало. Если раньше Татьяна могла позволить себе сочинять детективные повести только во время отпуска, то с переездом к ней Ирочки Миловановой у нее стало высвобождаться время и по

выходным, а иногда и по вечерам. Из подающего надежды молодого автора Татьяна Образцова, выпускающая свои произведения под псевдонимом Татьяна Томилина, быстро вырвалась сначала в пятерку, а потом и в тройку лучших детективистов России. Так, по крайней мере, утверждали всевозможные рейтинги. Да и получаемые ею гонорары сей факт не опровергали.

До заветной суммы, позволяющей вполне предметно мечтать о новой квартире, евроремонте и красивой мебели, оставалось совсем немного. И вдруг Татьяна заявляет, что собирается переезжать к мужу в Москву.

– Что ж ты расстраиваешься, – смеялась она в ответ на Ирочкины причитания, – тебе же остается шикарная хата в центре города. И с покупкой новой квартиры возиться не надо, и мебель есть, и ремонт можно пока не делать. Живи в этих хоромах и радуйся. Устраивай свою личную жизнь.

– Чему мне радоваться? – всхлипывала Ира. – Рядом с тобой я при деле была все время, я по утрам просыпалась и понимала, как и что мне нужно сегодня сделать. Главное – я каждую минуту понимала, зачем я все это делаю, ради чего. У меня цель была. А теперь что?

– Ну Ирусенька, – укоризненно качала головой Татьяна, – это все равно случилось бы рано или поздно. Я скопила бы денег на твою квартиру, ты переехала бы и стала жить одна. Мы же не можем с тобой жить вместе до старости.

– Почему? – каждый раз на этом месте Ира задавала один и тот же вопрос. Этот разговор повторялся на протяжении месяца почти ежедневно, и всякий раз, когда он доходил до этого места, Ира спрашивала: «Почему?!» – и смотрела на Татьяну заплаканными больными глазами. – Почему мы не можем жить вместе всегда? Я что, мешаю тебе?

– Ира, пойми, ты – молодая женщина, ты должна жить собственной жизнью, а не моей. И построить свою собственную семью, состоящую из мужа и детей, а не из меня и моих книжек.

– Ну пожалуйста, Таня, возьми меня с собой, – просила Ира. – Не бросай меня...

У Татьяны сердце разрывалось. Она чувствовала и свою вину в том, что так случилось. Когда шесть лет назад Ира переехала к ней, никто не думал о том, во

что все это может вылиться. Зато все видели явные и даже тайные преимущества такого решения. Татьяна не лишается жилплощади, более того, приобретает домохозяйку-экономку, на которую можно полностью полагаться и которая освободит ей время для творчества, а бывший супруг получает деньги, позволяющие ему открыть собственное дело в Канаде. Все были довольны. И никто в тот момент не подумал о том, а что же будет, когда ситуация переменится. Вскоре после переезда к Татьяне Ирочка закончила институт, но ни одного дня по специальности не работала, полностью посвятив себя служению талантливой родственнице. Дни ее были целиком заполнены заботами и хлопотами. Она виртуозно научилась устраивать жизнь Татьяны таким образом, чтобы та не тратила впустую и не отрывала от литературной деятельности ни одной лишней минуты и даже секунды. Например, если Татьяна говорила, что ей пора посетить косметический кабинет, Ирочка самолично отправлялась к их постоянному косметологу, придирчиво изучала журнал предварительной записи, выискивая такое время посещения, которое удобно для Татьяны и гарантированно будет соблюдено. Ни в коем случае не вечер: за день случается столько всяких неожиданностей, что маленькие задержки с приемом посетительниц к вечеру выливаются минут в тридцать-сорок, которые Татьяне придется ждать сверх назначенного времени. Ни в коем случае не суббота: если Татьяне не нужно будет ехать на работу, то день должен быть целиком посвящен творчеству. Лучше всего – утро буднего дня. Пусть Татьяне придется встать на полтора часа раньше, все равно она это время потратит на сон, а не на то, чтобы сочинять очередной опус. Выбрав время, Ира начинала выяснять, есть ли в данный момент у этого косметолога нужные кремы и маски, исправна ли аппаратура, которую используют для чисток и массажей, и хорошо ли себя чувствует сама дама-косметолог, нет ли признаков начинающейся простуды или еще какой хвори. А то не дай бог она привезет Татьяну сюда в несусветную рань, а окажется, что приема нет, косметолог заболела. Или аппаратура сломалась. Или нет того крема, который наилучшим образом подходит для Татьяниной кожи. И так далее. То же самое происходило с посещением парикмахерской, портнихи, маникюрши, а также магазина, если Татьяна собиралась покупать обувь, костюм или пальто. Ира предварительно ездила по магазинам сама, смотрела, есть ли достаточно хороший выбор того, что может заинтересовать ее родственницу, выясняла, не случится ли в ближайшее время санитарный день или переучет и ожидается ли поступление новых интересных моделей, и только потом везла туда Татьяну. Надо отдать девушке должное, при такой организации Татьяна ни разу не уехала из магазина без покупки.

Да, все это было чудесно. Кроме одного: Ирочка приобрела профессию дуэньки-наперсницы-компаньонки-экономки-поварихи, но профессия эта спросом не пользуется. А то, чему ее учили в институте, она благополучно забыла, поскольку за все годы, прошедшие после окончания вуза, ни разу эти знания не использовала. Пока она жила с Татьяной, проблема заработка для нее как бы не существовала, ведь родственница взяла ее на полное иждивение и даже в отпуск возила, на море. А что теперь? Как жить после того, как Татьяна уедет в Москву? На что жить? Где и кем работать? Профессии-то в руках нет. Снова начинать учебу?

Было время, когда Ирочке очень хотелось выйти замуж, и она мечтала о том, как Таня скопит денег и купит ей новую квартиру, и в этой новой квартире Ира будет жить с любимым мужем и растить любимых детей. Татьяна постоянно твердила ей о том, что не нужно это мероприятие откладывать, что если есть, за кого выходить, то нужно делать это немедленно, потому что потом может оказаться поздно. «Квартира большая, – говорила она, – все поместимся, тесно не будет. Если он тебе нравится, выходи за него быстро. Развестись всегда сможешь». Сама Татьяна поступала именно так и в данный момент находилась уже в третьем по счету браке. Но Ирочка проявляла какую-то необъяснимую нерешительность, встречалась с нравившимися ей мужчинами, расставалась с ними, но замуж все не выходила. И только однажды сказала: «Я не хочу приводить в нашу квартиру чужого мужика и постоянно беспокоиться о том, чтобы он, не приведи господь, не начал жить на твои деньги. Ведь мы же не сможем разделить хозяйство, правда?» Татьяна сердилась, называла Ирочку всяческими ласковыми по форме, но бранными по сути словами, но ничего изменить не смогла. И вот теперь двадцативосьмилетняя Ира без мужа, без профессии и без работы смотрела на нее огромными, полными слез глазами и спрашивала:

– Почему? Ну почему мы не можем всегда жить вместе?

В такие минуты Татьяне ужасно хотелось махнуть на все рукой и сказать:

«Конечно, Ириша, мы будем жить вместе, как и прежде. Ни о чем не беспокойся, в нашей жизни ничего не изменится. А Стасов – что ж, Стасов взрослый человек, проживет как-нибудь без меня, ведь ты мне гораздо ближе и роднее, чем он. Его я знаю всего полтора года, а тебя – почти десять лет».

В самом деле, как сделать выбор? У нее есть два горячо любимых человека – Ирочка и муж. И в чью же пользу принимать решение? Можно было бы пойти по пути наименьшего сопротивления и объединить их в одной семье. Продать трехкомнатную квартиру в Питере и однокомнатную квартиру Стасова в Москве, и этих денег вместе с той суммой, которая уже отложена на квартиру для Ирочки, вполне хватит на то, чтобы купить одно приличное просторное жилье, отремонтировать его по собственному вкусу и обставить пристойной мебелью. И жить всем вместе. Стасов и Татьяна будут работать, Ирочка по-прежнему возьмется за хозяйство, и все будут довольны. Но Татьяна Образцова понимала, что это будет неправильно. Одно дело – добровольно согласиться на то, чтобы в течение нескольких лет позаниматься ведением хозяйства Татьяны, потому что таким образом можно помочь родному брату и его бывшей жене, и совсем другое – пожизненно уйти в домработницы. Без всяких перспектив на личную карьеру, на интересную жизнь. Вообще на что бы то ни было. Ирка еще молодая и глупая, ей нравится жить так, как она живет сейчас, и потому она даже не думает о том, что будет послезавтра. Сейчас она, хорошенькая стройная брюнетка, нравится мужчинам, у нее постоянно какой-нибудь роман, и встречаться с поклонниками она свободно может у себя дома, причем даже не выгадывая время, когда Татьяна на работе. Места в квартире действительно много, и никто никому не мешает. Она хорошо одета, ездит на Татьяниной машине, ни в чем не нуждается и испытывает постоянно чувство глубокого и всеобщего комфорта. Особенно когда приходят журналисты или телевизионщики брать у Татьяны интервью, а та обязательно представляет им Ирочку и объясняет, что только благодаря этой темноволосой изящной красавице популярная писательница Татьяна Томилина имеет возможность ваять свои бестселлеры. Ирочка мило улыбается, журналисты в восторге – «какой необычный сюжет!». А потом – фотографии в журналах или крупный план в телевизионной передаче. И звонки от знакомых и родственников: «Я тебя видела, ты прекрасно выглядела, ты стала знаменитостью...» Материальный достаток, активная личная жизнь и греющие душу успехи Татьяны на литературной стезе – все это создавало Ирочке Миловановой существование, которое ее более чем устраивало. Она, как и все молодые, не могла и не хотела думать о том, а что же будет через десять лет. Она не вечно будет красивой стройной брюнеткой. И достаток закончится в тот самый день, когда она сможет купить себе квартиру и съедет от Татьяны. И успехи Татьянины уже не будут иметь к ней прямого отношения.

Татьяна неоднократно советовала ей начать работать, пусть на полставки, пусть даже на четверть ставки, пусть с почасовой оплатой, но работать, чтобы не терять профессиональные навыки. Но Иру это отчего-то не вдохновляло, быть

домоправительницей известной писательницы ей нравилось куда больше, а Татьяна должной настойчивости не проявляла. Им обоим казалось, что время расставания наступит еще очень не скоро. А там видно будет...

И вот это время настало. И стало видно, что все очень непросто. Теперь Татьяна корила себя за легкомыслие, за то, что не сумела настоять на своем и не заставила Иру идти работать, а также за то, что никогда не считала возможным вмешиваться в ее личную жизнь. Лучше было бы проявить бестактность и вмешаться, но заставить ее вовремя выйти замуж и родить ребенка. Тогда она не смотрела бы сейчас на Татьяну этими перепуганными глазами и не спрашивала бы:

– Как же я без тебя? Что я буду делать, когда ты уедешь?

* * *

Начальство Татьяну, естественно, не поддержало. Да и немудрено, работать-то некому, а уж когда такие специалисты, как Образцова, уходят, тогда вообще пиши пропало. Разговор с полковником Исаковым у Татьяны вышел тяжелый и оставил неприятный осадок.

– Как у вас все просто получается! – возмутился полковник. – Решили, видите ли, в Москву переезжать. А работать кто будет?

– Я не понимаю, – чуть удивленно сказала Татьяна. – Вы что, не отпускаете меня?

– Конечно, не отпускаю. С какой это стати, скажите, пожалуйста, я должен вас отпускать? Ну объясните же мне, с чего это вы решили, будто я вас отпускаю. И не подумаю. Будете работать, как раньше. – Григорий Павлович, но я вышла замуж. И я хочу жить вместе со своим мужем. По-моему, это нормальное желание и законом не запрещено. Вы не можете меня удерживать в Петербурге.

– Почему это не могу? Могу. Очень даже могу. Кто сказал, что супруги должны проживать по месту жительства мужа, а не жены? Пусть ваш муж переезжает сюда, если вы непременно хотите жить вместе. Он у вас, говорят, бывший работник милиции?

- Да, верно.

- Ну вот, и ему здесь работа найдется. Так что не валяйте дурака, уважаемая следователь Образцова, идите и работайте.

- Но, Григорий Павлович... Это несправедливо. Отпустите меня.

- И не подумаю. Вы офицер, извольте выполнять приказы. Идите и работайте.

Такого Татьяна не ожидала. Она, конечно, предполагала, что ее решение уйти с работы в Петербургском УВД не встретит грома аплодисментов, но не думала, что получит прямой, быстрый и хамский по форме отказ. Она готовилась выслушать упреки, сожаления, да что угодно, но никак не отказ.

Поразмыслив над ситуацией, Татьяна поняла, что придется искать обходные пути. Одним из таких путей было обращение к одному из заместителей начальника управления, с которым она когда-то вместе училась на юридическом факультете. Идти к нему не хотелось ужасно. Когда-то, курсе на втором или на третьем, у Татьяны был с ним пламенный, но скоротечный роман, который оставил в ее душе почему-то неприятные воспоминания, хотя ничего плохого между ними, в сущности, не произошло. Но встречаться с этим человеком Татьяна избегала, чего нельзя было сказать о нем. Игорь Величко при каждом удобном случае подходил к Татьяне Образцовой перекинуться парой слов. И теперь, когда она пришла к нему, Величко очень обрадовался, велел секретарше принести чаю с печеньем, внимательно выслушал Татьяну и долго хохотал.

- Тань, ну ты как с луны свалилась! Ты что, ни разу не переходила с места на место?

- Нет. Я только в должности росла. А почему ты спросил?

- Да потому что он разыгрывает типовую комбинацию. Все через это проходят. Никто не может заставить Гришу отпустить тебя. Никто, кроме министра. Для этого ты должна написать рапорт на имя министра внутренних дел с просьбой разрешить тебе перевод из Питера в Москву в связи со вступлением в брак с жителем столицы. И министр, если захочет, наложит на твой рапорт резолюцию: «Разрешить». Обрати внимание: если захочет. А если не захочет, то может написать, например, так: «На усмотрение начальника УВД СПб». И это будет

означать, что как генерал решит, так и будет. И тут весь вопрос в том, у кого более короткие ходы к нашему генералу, у Гриши или у тебя. А может быть и третий вариант. Министр просто делает вид, что твоего рапорта не существует. Конечно, самому министру на тебя глубоко наплевать, ты ему никто, он тебя и знать не знает, но ведь у него есть референты и помощники, и рапорт вполне может затеряться у них в столе или случайно оказаться не в той папке. Все зависит от того, кто и о чем их попросит. Так что на самом деле ты полностью сейчас во власти своего начальника Григория Павловича Исакова. Однако Гриша понимает, что у тебя, может, и нет ходов к министру, а у твоего мужа – еще неизвестно. Может, и есть. Может, даже очень короткие эти ходы. Так что отпускать тебя все равно рано или поздно придется. Если он не даст согласия на перевод сейчас, ты начнешь писать рапорта и прошения и все равно добьешься разрешения.

– Но если все так, как ты говоришь, то почему он меня сам не отпускает?

– Да потому что никто ничего просто так не делает, – терпеливо объяснил ей Величко.

– Он взятку, что ли, вымогает?

– Балда ты, Образцова, хоть и умная. На кой ему твоя взятка? Он хочет, чтобы ты пошла к вышестоящему начальству жаловаться на него. Ведь ты же пошла, правильно? Пошла. Ну и вот, потом начальство звонит ему и спрашивает, мол, Григорий Павлович, что там у вас с Образцовой? А то что-то жалуется она на вас. Гриша им и говорит, что работать некому, что нагрузка на одного следователя чуть не по пятьдесят дел одновременно и, что он будет делать, если еще и Образцова уйдет, вообще непонятно. То есть вся питерская преступность вырастет моментом в десять с половиной раз и захлестнет весь город, если принять такое безответственное решение и Образцову отпустить. Тань, ты пойми, это все игры, в которые играют все поголовно. Просто удивительно, что ты как-то ухитрилась в этом не участвовать. Цель всего этого только одна: раз ты уходишь, то нужно заставить тебя сделать как можно больше грязной работы, от которой все отказываются. Например, закончить следствие по делу, которое вели по очереди шесть или семь следователей, растеряв по дороге половину бумаг и почти все доказательства. Всунуть такое дело никому не удастся, потому что если приказать, то это будет не завершение следствия, а просто очередной, восьмой следователь, который внесет в имеющийся бардак и свою скромную лепту, а до суда дело все равно не доведет. Или, к примеру,

дело, которое просто страшно доводить до конца, потому как жить еще хочется. Добровольно и добросовестно за такое дерьмо никто не возьмется. Если прикажут – они повозятся для видимости месяц-другой и сунут папку с делом в шкаф. Пользы никакой, спасибо еще, если не навредят. Делодохое, бесперспективное, и заставить следователя довести его до суда практически невозможно, если следователь в этом сам лично не заинтересован. Вот на таких, как ты, которые хотят, чтобы их отпустили или еще какое одолжение им сделали, эти дела и сваливают. Дескать, сделаешь – и можешь быть свободен. Давайте, Татьяна Григорьевна, искать консенсус, теперь это модно. Мы вам идем навстречу, хотя и не обязаны, так уж и вы нам навстречу пойдите. Не бросайте дело на полдороге, доведите до ума. Понятно, Танюха?

– Понятно, – кивнула она. – И что мне теперь делать в свете регламента ваших игрищ? Ждать, пока Гриша меня вызовет, или самой идти и предлагать свои услуги?

– Подожди пару дней. Я ему позвоню, скажу, что ты ко мне приходила, потом он тебя вызовет и начнет рассказывать, как он не хотел тебя отпускать и как я ему говорил неприятные слова. Он, конечно, в полном праве тебя не отпустить, но раз ты такая стерва и ходишь по начальственным кабинетам, то ему проще разрешить тебе перевод, чем объясняться с руководством, которому ты рассказываешь про Гришу всякие гадости. Ты в этот момент начнешь чувствовать себя ужасно виноватой, и, чтобы ты могла искупить свою вину перед Гришей, тебе будет предложено поработать над некоторыми делами, с которыми никто не может и не хочет справляться. Закончишь – и уматывай в свою столицу.

– Красиво, – Татьяна скупно улыбнулась. – Методика отработана до совершенства. Только я ведь никаких гадостей про Гришу тебе не говорила. Так что ему упрекнуть меня будет не в чем. Этот фокус не пройдет.

– Пройдет, – Величко встал из-за стола и подошел к Татьяне поближе. Теперь он стоял совсем рядом, нависая над ней, – еще как пройдет. Он передаст тебе слова, которые ты якобы говорила мне, и ты никогда в жизни не докажешь, что ты их не говорила. Танечка, дорогая моя, не думай, что следственная работа – это одно, а жизнь – это нечто другое. Это все одно и то же. Ты же в следственной работе такой прием используешь чуть ли не каждый день, правда?

– Правда.

– И он срabатывает. Так почему ты думаешь, что он не срabотает в повседневной жизни? Прием рассчитан на человеческую психологию, и в этом смысле он универсален. Для того чтобы все получилось, нужно только знать правила игры и строго их соблюдать. Я эти правила знаю, и Гриша их знает, поэтому у него все получится. Он вызовет тебя и скажет, что я ему звонил. Ты приходила ко мне жаловаться на то, что Гриша тебя не отпускает, и рассказывала о том, что Гриша – гад последний и сволочь, пьет на работе, берет взятки и регулярно трахает на рабочем столе начальника секретариата Свету, или как там у вас ее зовут. И я ему, конечно же, об этом доложил. После такого он не считает возможным удерживать тебя во вверенной ему службе, ему не нужны сотрудники-подлецы, которые готовы оболгать начальника во имя собственных интересов, лучше пусть у него не будет никаких следователей, чем такие. Здесь, заметь себе, хитрость номер раз. Он отпускает тебя не потому, что сверху попросили или приказали, а потому, что ты оказалась последней дрянью и теперь он сам не хочет, чтобы ты у него работала.

– А я скажу ему, что ничего подобного не говорила.

– Правильно. А он тебя спросит в ответ: почему он должен верить тебе, а не мне? Я-то ему сказал, что ты его грязью поливала. И здесь у него хитрость номер два.

– А ты действительно ему это скажешь?

– Да нет, конечно, – рассмеялся Величко. – Зачем? Правилами игры это не предусмотрено. Я скажу ему, что ты у меня была и высказывала недовольство Гришей в связи с тем, что он не отпускает тебя и не дает разрешения на перевод в Москву. Остальное он сам придумает. Есть только один способ доказать, что ты в действительности ничего плохого мне про Гришу не говорила: устроить нам очную ставку. То есть собрать нас в одном кабинете и спросить меня в его присутствии, говорила ли ты мне про него гадости. Но ведь я на такую встречу никогда не соглашусь. Я-то правила игры знаю. Поэтому ты вынуждена будешь считать, что у Гриши есть все основания на тебя обижаться. Да, я, твой давний приятель Игорь Величко, оказался дураком и сволочью, оклеветал тебя в глазах твоего начальника Гриши Исакова, но убедить Гришу ты в этом не можешь, поэтому тебе придется смириться с тем, что он теперь плохо о тебе думает. Ну а остальное уже плавно вытекает из этого.

Татьяна помолчала некоторое время, с любопытством разглядывая лоснящееся удовольствием крупное лицо Игоря Величко.

- Слушай, у вас в аппарате все такие суки? – внезапно спросила она.

- Конечно, – весело подтвердил Величко. – Если бы мы тут не были суками, как бы мы вами руководили, интересно знать? Ладно, нечего мне мораль читать, сам не маленький. Скажи-ка лучше, запрос на твое личное дело уже послали?

- Пока нет. Зачем людей напрягать, если согласие моего начальства не получено? Как только Гриша скажет, что отпускает меня, я сразу же позвоню мужу, и на следующий день запрос пойдет в Питер.

- Ты держи это на контроле, – посоветовал Игорь. – Предупреди девочек в секретариате, чтобы дали тебе знать, как только запрос придет.

- Зачем? – удивилась Татьяна. – Что это изменит?

- О, дорогая моя, тут все, что угодно, может случиться. Например, запрос потеряется. Ты ждешь неделю, другую, месяц, два, три, а никто тебя не вызывает. Ты уверена, что запрос давно получен и дело ушло в Москву для ознакомления, а на самом деле никто его и не думал в Москву посылать, потому что в отдел кадров запрос не поступал. На тебя грузят самые черные дела, в том числе и опасные для жизни, ты работаешь, полагая, что все это вот-вот кончится, а ничего еще даже и не начиналось. Допустим, дело отошлют в Москву, там его посмотрят, скажут, что ты им подходишь, и направят сюда запрос на откомандирование. Но запрос-то тоже может не дойти. И никто тебя в Москву не откомандирует. Так что бди, глаз с секретариата не спускай, а еще лучше – договорись с мужем, пусть он все запросы из Москвы, и на личное дело, и на откомандирование, берет в собственные руки и везет сюда лично. И ты лично будешь приносить их в секретариат на регистрацию и относить в кадры. Поняла? Только так у тебя есть шанс выбраться отсюда хотя бы месяца через два. А иначе прождешь два года.

- Спасибо за науку, – грустно сказала Татьяна. – Знаешь, Игорь, меня давно уже считают хорошим следователем, но я, вероятно, сильно оторвалась от жизни. Я имею в виду жизнь той системы, в которой мы с тобой работаем. Я здорово умею играть в эти самые игры с прокуратурой, с судами и адвокатами, но я никогда не

предполагала, что между «своими» в рамках одной системы тоже играют. Как-то не приходилось мне решать свои личные проблемы через руководство.

– Ну-ну, не сгущай краски-то, – Величко отечески похлопал ее по плечу. – Ты уж прямо монстров каких-то из нас делаешь. Все люди, все человеки, все нормальные. Кстати, если будет совсем туго, сделай финт ушами. Увольняйся из органов, снимай погоны, переезжай в Москву и восстанавливайся. Так многие делают, если начальство не отпускает. На гражданку тебя не имеют права не отпустить, по закону не полагается. Ты не думала о таком варианте?

– Думала, – призналась Татьяна. – Но при восстановлении нужно будет проходить медкомиссию, а я ее не пройду.

– Почему ты думаешь?

– Я специально ходила к врачам, консультировалась. Они сказали, что у меня шансов нет. Лишний вес, а от него все проблемы. Сердце, одышка и так далее. Короче, этот вариант не пройдет.

– Ну что ж, тогда жди, когда Гриша тебе дохлых дел навешает полные руки. Ничего, Танюха, не бойся, прорвешься. Ты же умница, тебе никакие дохлые дела не страшны.

Прогноз, выданный Игорем Величко, оказался точным до малейших деталей. Через три дня Татьяну вызвал Григорий Павлович Исаков и голосом, полным сдерживаемого страдания, объяснил, какая она тварь неблагодарная и что после всего, что произошло, он не может ее удерживать здесь. Пусть уходит на все четыре стороны, но сначала...

Так и получилось, что в декабре, за три недели до нового, 1997 года, следователь Татьяна Образцова приняла к производству несколько дел – одно другого гаже. В основном это были дела, давно «запоротые», по которым своевременно не было сделано самое необходимое, и теперь предстояла нудная, рутинная, но требующая недюжинной изобретательности работа по восстановлению того, что еще можно было восстановить, и по равноценной замене того, что восстановить уже нельзя. И только одно из девяти принятых ею дел было еще относительно свежим, всего месячной давности. Но тоже, судя по всему, радости не сулило. Татьяна решила начать с него.

* * *

Он сидел в переполненной сырой вонючей камере уже месяц. И ничего не понимал. Кроме одного: он должен выдержать. Он должен постараться не сесть на полную катушку, но это – задача номер два. Второстепенная задача. Существенная, конечно, но не самая главная. А самая главная задача, задача номер один, – это не предать человека, который ему доверился. Иначе он не сможет чувствовать себя мужчиной.

Его давно уже не вызывали на допрос. Вообще события развивались как-то неравномерно. Сначала арестовали прямо на улице, заломили руки, избили, кинули в камеру и начали допрашивать по шесть-семь часов подряд. При этом даже не спрашивали, как убил и почему убил, им и без его ответов было все понятно. Спрашивали о другом, о том, чего он не понимал, как ни старался, как ни напрягал мозги. Потом оставили в покое, несколько дней не трогали. Он уж было воодушевился, расценил это как добрый знак, думал, поверили ему и сейчас собирают документы, чтобы его оправдать и отпустить. Не тут-то было! Оправдать, отпустить... Как же, размечтался. Снова стали вызывать, но теперь уже к другим. Те, новые менты оказались понятливыми и, видно, прониклись к нему сочувствием. Кое-что они сделали для него, если не врут, конечно, но потом опять все заглохло. И еще несколько дней – тишина. Непонятно, что происходит. Он ничего не понимает.

В камере ему плохо, само собой, но терпеть можно. Он ведь не из интеллигентов, не хлюпик, и послать может, и обрезать, и на место поставить, даром, что ли, всю жизнь на улице провел, нравы и обычаи хорошо знает. Всю жизнь, кроме последних двух лет...

« – ...Да что вы нашли в этой музыке? Бестолковая она какая-то, ни смысла, ни ритма. Выключите.

– А ты не там ищешь смысл и ритм. Ты глаза закрой да представь мысленно рисунок, как будто он из звуков состоит. Ты вот пишешь слева направо, и звуки на клавиатуре так же расположены: слева – низкие, справа – высокие. Идет музыка от высоких звуков к низким, а ты представляй линию, которую рисуют справа налево. Понял? Так и следи за музыкой. Не мелодию слушай, а рисунок представляй. Тогда и поймешь...

И он действительно понял. Не сразу, это верно, неделю, помнится, тогда мучился, пока мозги настроил как надо, чтобы выполнять то, что велено. А потом вдруг у него получилось. Зазвучала музыка, а перед глазами рисунок стал появляться, да затейливый такой, изящный, с завитками, даже симметричный. В какой-то момент ему женский профиль почудился, а потом и фигура целиком в длинном одеянии. А дальше случилось и вовсе невероятное. К нему глюки пришли. Прямо вот так, наяву, без таблеток, без ничего. Он к тому времени уже год как не употреблял совсем. Пришли глюки, да чудные такие, совсем непохожие на те, которые раньше бывали, когда он ширялся да покуривал. Вроде как бы фигура эта в длинном одеянии – это Пресвятая Богородица, а перед ней на земле лежит Иисус, снятый с креста. Земля голая, каменистая, сухая. Неприятная какая-то. Он помнил, что, когда был маленьким еще и ездил с родителями в деревню, его постоянно тянуло лечь на землю. Трава была сочная, зеленая, мягкая, и сама земля была мягкой и пахла как-то особенно, будто призывала его к себе. Он до сих пор этот запах помнит. А там, в глюке этом, земля была такая, что и лечь на нее не хотелось. Вроде враждебная. И казалось, что распятому Иисусу на ней лежать больно и неудобно. И неожиданно пришло осознание того, что не он, Сергей Суриков, так думает, а это сама Дева Мария так чувствует. Смотрит на сына своего мертвого и переживает, что ему неудобно лежать.

Когда он очнулся, музыки уже не было. Заснул, что ли? Вот чудеса-то.

– Что это было? – спросил он тогда.

– Ты научился слушать и понимать.

– И это может случиться еще раз? – Ему очень хотелось, чтобы это повторилось. Было немного страшно, но его в тот момент переполнял восторг.

– Теперь так будет всегда. Ты научился, и твое умение всегда будет с тобой. Оно уже не исчезнет.

– Как называется музыка?

– Это Бах. Чакона...»

* * *

К первой встрече с подследственным Суриковым Татьяна Образцова готовилась долго, потому что никак не могла разобраться в материалах дела. Такое впечатление, что Суриков неоднократно менял показания, пытаюсь выгородить себя, но позиция следствия была какой-то вялой. Хочешь оправдываться – ради бога, мы тебе мешать не станем. Не хочешь оправдываться – твое дело, мы тебя топить не будем. В официальных документах и отчетах это называлось «отсутствие активной наступательной позиции следствия». При допросах Сергея Сурикова, как следовало из имеющихся в деле протоколов, много внимания уделялось вопросу о сообщниках. И ни одного толкового ответа от арестованного получить не удалось. Причем, что любопытно, от него вообще не удалось добиться ни одного толкового ответа, он ведь не признался даже в том убийстве, по обвинению в котором, собственно, и был арестован.

На рассвете 7 ноября 1996 года гражданка Бахметьева Софья Илларионовна, 1910 года рождения, была обнаружена соседями убитой в собственной квартире. Череп восьмидесятишестилетней старухи был проломлен валяющимся здесь же топором. Топор, как водится, не был принесен откуда-то преступником, а принадлежал самой Бахметьевой. По свидетельству соседей, топор этот постоянно находился в кладовке еще с тех времен, когда не было центрального отопления и печки топили дровами. В том, что топор – тот самый, бахметьевский, никто не сомневался, вон и инициалы на рукоятке, Б.Б., что означает «Борис Бахметьев», покойный брат Софьи Илларионовны.

Те же соседи, не дожидаясь вопросов со стороны приехавших работников милиции, сообщили, что у старухи Бахметьевой живет квартирант, молодой и весьма подозрительный. Суриков Сергей. Вроде как старуха Софья Илларионовна пустила его к себе жить с условием, что он будет за ней ухаживать, а она ему за это квартиру отпишет.

Ситуация была распространенной, великое множество одиноких стариков попадалось на удочку таких «ухаживальщиков», подписывали им генеральную доверенность на право распоряжаться всем имуществом, в том числе, естественно, и квартирой, а потом оказывались выброшенными на улицу. И хорошо еще, если на улицу. А то ведь многие оказывались сразу в морге. А многие – и вовсе неизвестно где. Пропадали без вести. Владелец же генеральной доверенности спокойно продавал квартиру или обменивал. Посему наличие у убитой старой женщины квартиранта автоматически вело к его

задержанию. Версия об убийстве на почве приватизации квартиры проверялась в первую очередь, поэтому квартиранта нашли бы и арестовали, даже если бы оказалось, что он в момент убийства находился в командировке в Новой Зеландии. Не сам убил – значит, подельники есть, но то, что имел место групповой сговор, несомненно.

Сергея Сурикова тут же объявили в розыск и через два часа задержали. Похоже, он и не собирался никуда прятаться, задержания не ожидал, потому сопротивления не оказывал. Более того, у него на момент убийства квартирной хозяйки даже алиби не было, не позаботился придумать. И вообще он производил впечатление умственно неполноценного. Дурачок какой-то. Защитить себя толком не может. И наличие группового сговора отрицает.

Татьяна понимала, в чем тут фокус. Махинации с приватизацией квартир, принадлежащих одиноким престарелым людям, расцветали в Питере пышным цветом. Было ясно, что занимаются этим хорошо организованные группы, и группы эти понемногу выявлялись работниками правоохранительных органов. И вот совсем недавно откуда-то просочилась информация, что есть в городе и совсем особая группа. То есть такая особая, что вам, ментам придурочным, в жизни на нее не выйти, потому как вы ни за что не догадаетесь, как она действует. Больше никаких деталей узнать не удалось, но сам факт заставил милиционеров, что называется, встать на дыбы. Как это так – «ни за что не догадаетесь»? Что же мы, глупее преступников, что ли? Теперь по каждому подходящему и даже не очень подходящему случаю следователи и оперативники пытались нащупать следы этой таинственной группы, которая непонятно каким способом выманивает у одиноких стариков квартиры. Поэтому и в дурачка Сурикова они вцепились, хотя должны были, по идее, понимать, что явно криминальный труп с рубленой раной головы не может быть связан с хитрой и замаскированной группой преступников. На то они и есть хитрые и замаскированные, чтобы не вязаться с явным криминалом. Но Сурикова все равно трясли на предмет наличия сообщников. А он ничего путного сказать не мог.

Татьяна снова и снова перечитывала материалы уголовного дела, возбужденного по факту убийства гражданки Бахметьевой С. И. Протоколы допросов соседей Бахметьевой: с кем общался Суриков, с кем вы его видели, кто к нему приходил? Ответы совершенно однотипные: ни с кем и никто. За два года ни один человек, живущий в доме, не видел, чтобы к Сергею Сурикову хоть кто-нибудь приходил. Каждое утро он уходил на работу, около семи-восьми вечера

возвращался. Иногда водил бабушку Софью в поликлинику. Ходил в магазин за продуктами и иными какими покупками. Но всегда один. Попытка подобраться к группе с этой стороны не удалась. Еще протоколы, на этот раз допросы людей, работавших вместе с Суриковым в универсаме «Балтийский». Спокойный, дисциплинированный, дружелюбный, контактный. Никто о нем ничего плохого сказать не может. На работу не опаздывает, раньше времени не уходит. Да, только вот болел часто. Слабый он, сердце больное. Бывает, привалится к стене, белый весь, и стонет. Пару раз ему «Скорую» вызывали, а так обычно-то он таблеточку пососет и оклемается. Конечно, не надо бы ему с такой хворью грузчиком работать, но на другую работу устроиться сложнее, у него образования нет, даже среднюю школу не окончил. Нет, никто к нему на работу не приходил и не звонил. И он никому не звонил, кроме хозяйки своей. Имя у нее чудное такое, вот-вот, именно, Софья Илларионовна, он ей по несколько раз в день звонил, спрашивал, как она себя чувствует, чем занимается, не скучает ли, надо ли что-нибудь покупать по дороге с работы. Он о ней очень заботился. Однажды у нее рука начала отниматься, так он тут у нас всех на уши поставил, мол, нет ли у кого знакомого невропатолога, только самого лучшего. Нашли ему хорошего врача, он машину у нас попросил, привез его к своей бабушке, потом оформил неделю за свой счет и сидел с ней, ни на шаг не отходил. А когда вышел снова на работу, сказал, что у бабушки мог случиться инсульт, но он вовремя спохватился, и врач опытный оказался, в общем, отвели они беду. Радовался как ребенок. С того времени он начал звонить домой буквально каждый час. Говорил, дескать, врач тот его предупредил, что самое главное – ничего не запускать. Как чуть что – моментально принимать меры. Вот он и звонил каждый час Софье-то своей, спрашивал, не немеют ли руки, не кружится ли голова. Бдиль, одним словом.

Протокола допроса врача-невропатолога в деле не было, вероятно, с точки зрения поиска таинственной группы он никакого интереса для следователя, занимавшегося этим делом, не представлял.

Вообще все дело было рыхлым и шатким. Прямых улик против Сурикова не было. Но и в его пользу мало что говорило. Сам Сергей не мог внятно объяснить, где он был в момент убийства своей хозяйки Бахметьевой, но и соседи его в это время в доме не видели. И с корыстным мотивом не все понятно, генеральной доверенности на право распоряжаться имуществом Софьи Илларионовны у Сурикова не было. Более того, такая доверенность была оформлена на совершенно другого человека, который, по-видимому, к убийству старушки отношения не имел и не мог иметь. Тогда зачем Сурикову было убивать ее? Но, с другой стороны, кто же еще, кроме него самого, мог убить ее так, чтобы соседи

не слышали ни криков, ни шума борьбы, ни прихода посторонних? Только Суриков. Поэтому надо на него давить, пока он не признается и тем самым не подскажет, где и какие доказательства его виновности следует искать. Вот, к примеру, окровавленная одежда. Должна она быть, если ты убиваешь человека ударом топора по затылку? Должна. Ну пусть не море крови, а мелкие частицы-то должны обязательно в разные стороны полететь и попасть на одежду преступника. На той одежде, в которой Суриков был задержан, следов не оказалось. Но если убийца – он, то где-то эта одежда лежит, своего светлого часа дожидается. Вот пусть и покажет, где она.

Татьяна задумчиво листала протоколы, справки, запросы и думала о том, что дело действительно какое-то... не сказать чтобы дурацкое, скорее нелепое. Генеральная доверенность оформлена полгода назад на имя Зои Николаевны Гольдич, два месяца назад получены обменные ордера, поскольку Бахметьева, как выяснилось, хотела переехать из этой квартиры в другую, но у нее не было ни сил, ни знания юридических реалий, чтобы заниматься обменом самой. Таким образом, на протяжении целого месяца, предшествовавшего смерти, Софья Илларионовна уже не была владелицей двухкомнатной квартиры на улице Салтыкова-Щедрина, прямо рядом со станцией метро «Чернышевская». Владели этой квартирой совсем другие люди, а Софье Бахметьевой принадлежала крошечная квартирка в «хрущобе», расположенной у черта на рогах, рядом с Волковым кладбищем, в Купчино, куда метро не ходит и ходить в ближайшие двадцать лет вряд ли будет и выбраться откуда можно только на трамвае, который ходит один раз в сорок минут и влезть в который практически невозможно по причине его ужасающей переполненности. Как утверждают и Гольдич, и Суриков, и новые владельцы квартиры, все было оформлено, но с переездом по обоюдному согласию решили подождать до весны. Смысла в убийстве Бахметьевой не было никакого. Суриков между тем находился под арестом, и никаких других подозреваемых рядом не высвечивалось.

Татьяна глянула на часы. Сейчас приведут подследственного. Она быстро встала из-за стола, подошла к шкафу и открыла дверцу, чтобы посмотреть на себя в укрепленное с внутренней стороны зеркало. Нормально. Не слишком злая, но и не слишком добрая женщина-следователь, не старая, но и не девчонка. Не женщина-вамп, но и не синий чулок. Так, нечто среднее. Для первого допроса как раз то, что нужно.

Глава 2

– Как вы себя чувствуете? – начала Татьяна обязательный ритуал, который непременно надо соблюдать при допросах, а то случается, подследственные потом жаловаться начинают, что их допрашивали, когда они были чуть ли не при смерти и от плохого самочувствия ничего не соображали. И цена показаниям, данным во время такого допроса, соответственно полгроша в базарный день. – Что-нибудь болит, беспокоит?

– Нет, спасибо, – вежливо ответил Суриков. – Я хорошо себя чувствую.

– Тогда приступим. Моя фамилия Образцова, зовут меня Татьяной Григорьевной, я следователь и буду теперь вести ваше дело.

– Опять, – усмехнулся Суриков. – Не надоело вам?

– Что должно было надоест? – Татьяна внимательно посмотрела на него.

– Да вся эта канитель. Один следователь, другой, третий. Что вы меня футболите друг к другу? Не знаете, что со мной делать? Так отпустите на все четыре стороны, и с плеч долой.

Перед Татьяной сидел невысокий молодой человек лет двадцати двух – двадцати трех с наглой ухмылкой на лице, обнажающей плохие зубы. Не похоже, чтобы месяц, проведенный в тесной камере с полутора десятками борзых урок, сделал этого Сурикова покладистым или хотя бы забитым. Видно, он вполне адаптировался.

– Кстати, – невозмутимо сказала она, – вопрос, который вы задали, действительно интересный. Почему дело до сих пор не закончено, как вы думаете? До меня им занимались два других следователя. Вы что, не могли найти с ними общий язык?

– Почему? – Суриков пожал плечами. – Я с ними очень хорошо разговаривал, вежливо, на все вопросы отвечал чистосердечно и искренне. Не знаю, что им не понравилось. Вам нужно крайнего найти, чтобы дело сшить, а я для этого лучше всех подхожу, потому и не даете мне покоя, все выискиваете, как бы это меня

половчье упечь. Я-то – вот он, перед вами, уже и в камере сижу, так что никаких хлопот, а другого еще найти надо. Вы давайте начинайте допрос, нечего ко мне с обратной стороны подъезжать.

Понятно, подумала Татьяна, тактика ясна. Я, граждане следователи, ни при чем, но ежели вы мне не верите, то это ваша глубоко личная проблема, и в решении этой проблемы я вам не помощник. Все равно выпустите рано или поздно, а и не выпустите, так здесь, в камере, срок все одно идет, опять же на зоне меньше торчать придется. На зоне-то плохо, куда хуже, чем в предварилровке, это всем известно, даже первоходкам. Приблатненный юноша, хотя, судя по ответам на всяческие запросы, срок ни разу не мотал и даже не арестовывался. Задерживался – да, бывало, на трое суток вместе с группой, потом отпускали. Неоднократно попадал вместе с дружками, когда чистили очередной притон, но Сергея Сурикова всегда отпускали. Ни разу он не оказался во время облавы в наркотическом опьянении, и ни разу при нем не обнаружили ни грамма дури, ни таблеточки, ни косячка. Хитрый, что ли? Предусмотрительный? Или...

Татьяна даже слегка вздрогнула, настолько забавной показалась ей пришедшая внезапно в голову мысль. А что, если проверить?

– Мне вас по имени-отчеству называть или можно просто по имени? – осведомилась она.

– Можно по имени, – великодушно разрешил Суриков, – вы же ненамного старше меня.

Ах, хитер, ах, хитер, паскудник, комплименты решил говорить! Татьяна старше его на целых тринадцать лет, и, учитывая ее комплекцию, никто не рискнул бы сказать, что в служебной обстановке она выглядит моложе.

– Ошибаетесь, Сергей Леонидович, я намного старше вас, поэтому не будем играть в панибратство. Скажите, а ваш покровитель знает о том, что вы уже месяц находитесь у нас? Что-то от него ни слуху ни духу. Обычно в таких случаях уже через день-два мы человека выпускаем, а за вас никто не хлопочет. Или вы соскочили?

Дурашливая ухмылка мгновенно исчезла с лица подследственного, теперь на Татьяну смотрели не глаза, а два кусочка ледяного металла.

– Я не соскочил, это он соскочил, – процедил Суриков. – Бросил меня на произвол судьбы, как сука последняя, я вообще безо всего остался, без жилья, без денег. Думал сначала, что он умер, все не мог поверить, что можно вот так человека использовать, как вокзальную шлюху, а потом выбросить за ненадобностью.

– А он, выходит, не умер?

– Прямо умрет он, как же, – фыркнул Суриков. – От него дождешься. Такие не дохнут, такие дольше всех живут. Я как увидел его живым-здоровым, так и кинулся как к родному, мол, возьми под крыло. А он... – Суриков махнул рукой. – Татьяна Григорьевна, сигареткой не угостите?

– Берите. – Она выдвинула ящик стола и достала пачку сигарет и спички. – Так что он сделал, когда вы к нему обратились? Сказал, что не знает вас?

– Ну! А как вы догадались?

Теперь на лице у Сурикова было неподдельное любопытство. Как она догадалась? Да проще простого. Тот работник милиции, на связи у которого состоял член молодежной полукриминальной группировки Сережа Суриков, бросил свою низкооплачиваемую государственную службу, и Сережа стал ему без надобности. Более того, в его новом бизнесе ему совсем не нужно, чтобы около него отирался такой тип, как Сережа, с детства имевший дело с наркотой, угонами машин и прочими подростково-юношескими глупостями. Не особенно умный, хитроватый, малообразованный и не совсем здоровый, к тому же точно знающий, что половину, а то и больше наркотиков, обнаруженных при облавах, этот милиционер клал в собственный карман. На черта ему сдался этот Сережа? Когда пресловутый милиционер вел линию борьбы с наркотиками, у него был Сережа, которого всегда заблаговременно предупреждали о готовящейся облаве, потому он в эти дни не употреблял и даже в карман не клал, чтобы прицепиться было не к чему. Сам Сережа привычным наркоманом не был, зависимость от наркотиков у него не сформировалась, это видно Татьяне невооруженным глазом. Человек, который на месяц отлучен от привычного зелья, ведет себя не так, да и выглядит совсем по-другому.

– Догадаться несложно, – чуть улыбнулась она. – Это, к сожалению, часто встречается. Я хочу сказать, в последние годы, когда люди стали уходить из милиции в бизнес. Такие, как вы, им больше не нужны, и они безжалостно вас

бросают. Давно это случилось?

- Два года назад. Может, чуть больше. Я возьму еще сигаретку?

- Конечно. Может быть, вам не стоит курить одну за одной? Все-таки у вас сердце слабое. Или документы врут?

- Не, не врут, все точно. Но курить очень хочется.

- Ну смотрите. А вы подписку ему давали?

- О неразглашении-то? Давал, а как же. Я с ним и раньше дело имел, лет с четырнадцати, он мне в обмен на информацию денюжат подбрасывал. А как мне восемнадцать стукнуло, так сразу подписку с меня взял.

- И вы вот так спокойно мне все это рассказываете? А как же подписка?

- Ну интересно! А что подписка? Подписка - она на простых людей рассчитана, на граждан с улицы. Им я никогда ничего и не рассказывал, мне, Татьяна Григорьевна, еще жить хочется. Я ж понимаю, что со мной сделают, если хоть одна живая душа узнает, что я ссучился. А вы-то и без меня все знаете, у вас самой небось таких подписантов штук двадцать, не меньше. Как вы их по-научному-то называете? Агенты-резиденты?

- Есть еще доверенные лица, - добавила Татьяна. - Но тут вы запутались, Сергей Леонидович, я следователь, а не оперативник. Агентура - это у оперативников. А я вот с бумажками все больше вожусь. Давайте-ка вернемся к тому времени, когда ваш покровитель вас подцепил. Чем вы тогда занимались?

- А ничем.

- Совсем ничем?

- Совсем. Перебивался случайными заработками.

- А жили где?

- Нигде.

- Как это - нигде?

- Вот так. Нигде. Отец помер от пьянства, мать квартиру быстренько продала и к новому хахалю свалила, они эти деньги вместе до сих пор, наверное, пропивают. Я потому и школу бросил еще в девятом классе. Жить негде, спать негде, мотался по подвалам да по случайным знакомым. Лучше всего было, конечно, к притону какому-нибудь присосаться, у него хоть адрес постоянный есть, пока не накроют, конечно. Вот тут меня дядя Петя и зацепил.

Значит, дядя Петя. Уже что-то. При необходимости его можно разыскать, сотрудник, ведущий линию наркотиков, по имени Петр, уволился из органов в девяносто четвертом году. Вполне реально.

- И дальше что?

- Ну ничего. Как очередную облаву провели, всех, кого нужно, повылавливали, меня через пару дней выпустили, и я стал ждать, когда мне дядя Петя сигнал подаст. Он обычно советы мне давал, где пожить пристроиться или хотя бы переночевать несколько дней. Иногда в общежитие какое-нибудь меня приладит, и так далее. А тут смотрю - тишина. Неделя, вторая, хорошо еще - лето было, так я то на лавочке посплю, то вообще на земле. А его все нет и нет. У меня, сами понимаете, проблемы назревают, я ж жил как все, денег не зарабатывал, в долг брал, потом наркотой отдавал. Наркоту-то мне дядя Петя подбрасывал после каждой облавы, так что я обычно с долгами рассчитывался. А тут у меня долгу долларов на семьсот, я два месяца за счет одного кореша пил, ел, гулял, жил в долг и был уверен, что отдам. И - ничего. Кореш наезжать начинает, угрозы там всякие и так далее. А я от ночевки на улице заболел, вы же знаете, у нас воздух сырой. Почки застудил, ноги болят - видно, ревматизм, сверху - бронхит, лекарства купить не на что. Короче говоря, не жизнь, а одно сплошное большое удовольствие. Сердце начало прихватывать по два раза в день. Один раз меня какая-то сердобольная тетка пожалела и целый патрончик валидола дала. Просто подарила. И нитроглицерина упаковку отстегнула. Только благодаря этому и не сдох под кустом. Так и жил, пока к Софье Илларионовне не попал.

- А как вы к ней попали?

– Обыкновенно. Валялся на лавочке с приступом. Старушонка какая-то подходит, приличная такая, и начинает меня жалеть. Я-то уже в норму приходиться начал, валидол рассосал, и вдруг такая слабость меня одолела – прямо жуть. Расплакался я на груди у этой старушонки. Жить мне, говорю, негде, и болезнь меня точит неизлечимая, и сам я весь с головы до ног никому не нужный. А она меня слушала-слушала да и говорит: «Ты посиди здесь, сынок, я минут через десять вернусь». Ушла, вернулась и повела меня к Софье. Вот, говорит, сынок, твой шанс, может быть, в этой жизни единственный. Ты сильно болеешь, нельзя тебе на улице оставаться в таком состоянии. Софья Илларионовна тебя подлечит, а там посмотрите, как будет. Только я в тот момент не верил, что она может меня вылечить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tellnovel.com/aleksandra-marinina/imya-poterpevshego-nikto>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)